

системы согласных и гласных звуков, хотя автор лучше сделал бы, если бы делил звуки по участию активных, а не пассивных артикуляционных органов (см. на стр. 219 выражения «мягкогубные», «переднемягкогубные» и т. д., которые не дают представления о характере артикуляции отдельных соответствующих звуков).

Имеются в статье неточные формулировки, как, например, следующая: «Наиболее ярко черты бесленеевского диалекта обнаруживаются в системе согласных» (стр. 218). Здесь следовало бы добавить: «в отличие от кабардинского языка». Без этого добавления можно подумать, что основные черты какого-либо диалекта могут выражаться в одной какой-либо стороне его строя, в данном случае — в системе согласных.

Совершенно непонятен предпоследний абзац стр. 225, где автор пишет: «Формы органической принадлежности в бесленеевском диалекте ближе к формам имущественной принадлежности. Эти формы (разрядка моя. — К. М.) не совпадают с адыгейскими...» и т. д. К чему относятся здесь слова «эти формы»? К формам «органической принадлежности» или к формам «имущественной принадлежности»? Неясно также, что обозначает слово «ближе», потому что неизвестно, с чем, с каким языком или диалектом дается сравнение. Неясно также, в каком языке или диалекте их «высестели» формы имущественной принадлежности — в адыгейском или бесленеевском. Не объяснены мотивы, по которым автор утверждает, что префиксы органической принадлежности «...более древние, чем префиксы имущественной принадлежности» (стр. 225).

Непонятно, как понимает автор термин «заимствование». Без специальных объяснений несколько странно звучит указание, что в бесленеевском диалекте имеется много заимствований из адыгейского языка (стр. 227), т. е. именно из того языка, к которому, собственно, и принадлежит бесленеевский диалект (если не считать более близкого — кабардинского). Идет ли здесь речь о словах, которые вначале были заимствованы адыгейским языком и потом попали из него в бесленеевский диалект? Или о словах, которые когда-то были общими для адыгейского и бесленеевского, но исчезли из последнего и были снова приобретены из адыгейского в характерном для него оформлении.

Как было сказано выше, наши замечания относятся к частным вопросам отдельных статей, помещенных в сборнике. В общем же сборник составлен удачно, так как в нем можно найти весьма ценные материалы по многим вопросам, касающимся различных языков. Желательно, чтобы Институт языкознания еще не один том своих «Трудов» посвятил исследованиям по языкам национальностей Советского Союза.

Р. Е. Майтинская

Труды Института языкознания [АН СССР], т. II. [Сб. статей.] Редколлегия: В. В. Виноградов (отв. ред.), В. И. Боровский, Н. А. Баскаков, Б. В. Горнун, В. С. Соколова, С. И. Ожегов (отв. секр.). М., Изд-во АН СССР, 1953. 275 стр.

Второй том «Трудов Института языкознания» целиком посвящен различным вопросам русского языкознания. Он открывается большой статьей И. А. Поповой «Неполные предложения в современном русском языке» (стр. 1—136). На богатом материале, почерпнутом из произведений русской художественной литературы разных жанров и из сочинений научного, научно-популярного и публицистического характера, здесь раскрывается структурное многообразие тех синтаксических конструкций, которые по установившейся традиции называются «неполными предложениями». Общая установка, из которой исходит автор в своей работе, формулируется следующим образом: «...только исходя из рассмотрения социальных функций языка — его коммуникативных функций как орудия общения и выражения мысли, только исходя из учета задач и условий речевого общения, можно решать вопрос о той или иной степени полноты предложения, достаточности его формально-грамматического состава» (стр. 3—4). Поэтому для автора самый «вопрос о смысловой и формальной полноте отдельного высказывания связан с общей теорией предложения, с проблемой выражения мысли словом» (стр. 4).

Исходя из положения марксистского языкознания, что оголенных мыслей, свободных от языкового материала, не существует и что реальность мысли проявляется в языке, И. А. Попова закономерно приходит к своему основному тезису о том, что предложение, понимаемое как форма бытия, проявления мысли, всегда «полностью выражает эту мысль средствами языка, поскольку все, не нашедшее выражения в языковом материале», не является мыслью» (стр. 23). Этому положению соответствует и заключительный вывод всей статьи: «...при учете всех средств выражения... почти каждое предложение окажется выражающим относительно законченное высказывание и тем выполняющим свои коммуникативные функции, т. е. полным предложением».

(стр. 135). С таким общим выводом нельзя не согласиться, потому что с коммуникативной точки зрения, действительно, любое предложение является полным, т. е. соответствующим своему назначению в условиях живого речевого общения в связи с конкретной ситуацией речи или в рамках контекста. Однако этот общий вывод еще не раскрывает специфики тех структурных типов предложений, которые мы по традиции называем неполными: отсюда с необходимостью встает задача изучения всех мнимо неполных предложений как предложений особой и при этом разнообразной синтаксической структуры. Статья И. А. Попова и является попыткой решения этого вопроса на материале современного русского языка.

Анализу структуры так называемых «неполных» предложений предшествует в изложении автора краткий обзор русских грамматических учений о неполных предложениях (стр. 4—10). Вследствие неразработанности проблемы неполных предложений обзор этот поневоле оказывается очень кратким. После замечаний о неправомерности сведения «неполноты» предложений к формальному эллипсису в грамматиках Греча и Перевалеского здесь дается убедительная критика трактовки неполных предложений у Пешковского и Шахматова. Автор справедливо упрекает А. М. Пешковского в том, что он, правильно указав различные факторы, создавшие неполноту предложения, в то же время построил узко формальную классификацию неполных предложений «по признаку синтаксического положения пропущенного члена» (стр. 8). К сожалению, И. А. Попова не оценивает критически указанные Пешковским факторы неполноты предложений, хотя эти факторы неоднократно используются ею при конкретном анализе материала. Подчеркивая то новое, что было внесено в учение о неполных предложениях акад. А. А. Шахматовым, И. А. Попова правильно отмечает и основной недостаток трактовки неполных предложений у Шахматова — «его стремление непременно соотносить все неполные предложения с соответствующими полными» (стр. 9).

Как же сам автор статьи ставит и решает проблему анализа структуры «неполных» предложений? Смысловая неполнота, если ее рассматривать как «неполноту словесной передачи фактического содержания сообщения» (стр. 18), по справедливому указанию автора, свойственна огромному большинству формально полных предложений повествовательной, научно-деловой, поэтической и разговорно-бытовой речи и вовсе «не является ни обязательной, ни исключительной чертой формально неполных предложений» (стр. 17). С другой стороны, если «чисто словесная неполнота является структурной чертой данного вида предложения, то нельзя считать его неполным, поскольку никакие дополнения невозможны без изменения структуры предложения» (стр. 20). И если в каждом предложении действительно так или иначе, теми или другими синтаксическими средствами формируется мысль, то, «по существу, нет „неполных“ предложений» (стр. 23). Собственно неполными оказываются только «языковые образования, еще не ставшие полностью предложениями» (стр. 33), т. е. еще не сформировавшиеся как предложения. Эти языковые образования И. А. Попова называет «неразвернутыми предложениями» (термин этот неудачен, так как называет предложениями отрезки речи, которые предложениями не являются). В их составе, по мнению автора, различаются две разновидности, на самом деле оказывающиеся совсем различными типами языковых образований. Это, с одной стороны, реплики разговорной речи, не оформившиеся как предложения, например реплика Маланья из комедии Островского «Не все коту масленица». «Да нешто их тут, всех...». С другой стороны, это такие реплики, как: «Привычка, Ленский» (Пушкин, Евгений Онегин) или: «Жизнь, братец» (реплика Несчастливцева в «Лесе» Островского), которые сам автор интерпретирует как односоставные именные предложения причины; к ним неприменно не только наименование неполных, но и термин «неразвернутые предложения», так как нет никакой необходимости их развертывать. Таким образом, оказывается, что собственно неполных или «неразвернутых» предложений как синтаксической категории не существует, и выделение такого типа образований оказывается неоправданным.

Выделяемая автором большая группа «относительно неполных» или «неполносоставных» предложений (стр. 37—55) тоже неоднородна по своему составу. В нее входят, с одной стороны, ситуативные предложения, неполнота состава которых обусловливается преимущественно общей обстановкой речи и ситуацией в целом (они соответствуют второму из факторов неполноты предложений, указанных Пешковским¹). С другой стороны, в эту же группу автором включаются и контекстуальные относительно неполные предложения, соответствующие, по Пешковскому, первому фактору неполноты предложений — заимствованию слов из окружающей речи. И ситуативные и контекстуальные предложения разграничиваются в статье на подгруппы по одному и тому же формальному признаку — синтаксической природе отсутствующего члена. Однако нетрудно убедиться в том, что для ситуативных предложений отсутствие того или другого члена предложения, ясного из ситуации и обстановки речи, является

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., Учпедгиз, 1938, стр. 361.

в сущности, мнимым. Так, в ситуативных предложениях с неназванным подлежащим подлежащее отсутствует так же закономерно, как оно отсутствует вообще в одностанных определенно-личных предложениях, не требуя никакого возмещения. Ср. «Пошлина (у окна) Как покати́ли» (о Сметской и Востряковой) (Островский, Таинство поклонения) и «Лопахи Поеду с вами в одном поезде В Харькове про живу всю зиму» (Чехов, Вишневый сад).

В ситуативных предложениях с неназванным дополнением в действительности не возникает никакой синтаксической связи управления, и переходные глаголы употребляются без значения переходности, например «Неужто сбросил где-нибудь? — спросила Майя» (Фадеев, Мотодыя гвардия). Ситуативные предложения с неназванным сказуемым, например «Откуда теперь?» (Грибоедов, Горе от ума), являются типическими несказуемыми предложениями, оформленными при помощи местоименных наречий. Отсутствие глагола движения в форме настоящего времени здесь тоже получает местоименное значение в широком смысле термина «местоименность»².

В этой части своей работы И. А. Попова останавливается и на общей проблеме взаимоотношений между предложениями в контексте, и на теории сложных синтаксических единиц. Она справедливо возражает против моего неудачного положения, будто бы «действительной синтаксической единицей связной речи является не предложение, простое или сложное, а сложное синтаксическое целое, сохраняющее синтаксическую самостоятельность и законченность и при извлечении из контекста (связной речи)»³. И. А. Попова правильно указывает на то, что и в контексте «чуждое предложение представляет собой наиболее грамматически законченную, и в смысле слова, и в структурном отношении законченную и наиболее четкие, объективно определяемые границы синтаксическую единицу — единицу сообщения» (стр. 41). Однако это положение вовсе не исключает того, что в контексте образуются объединенные различными синтаксическими средствами группы предложений, которые организуются в синтаксические единицы, более сложные по своему составу, чем предложения. Границы между этими синтаксическими группами в связной речи, действительно, не всегда достаточно четки. Средства их синтаксического сцепления — очень различны. Однако и материалы И. А. Поповой с большой убедительностью демонстрируют наличие как в повествовательной, так и в дидacticческой речи этих более сложных, чем отдельные предложения, синтаксических единиц. Контекстуальные «непотные» предложения с неназванными подлежащими, дополнениями, сказуемыми уже своей структурой указывают на их синтаксическую связь с предшествующими предложениями — присоединительную или пояснительную. Однако при этом присоединенные относительно непотные предложения вовсе не однородны с предшествующими. Ведь самый факт их присоединения свидетельствует о невозможности соединить их с предшествующими предложениями сочинительными союзами или соединительными паузами. Так, в примере «Командиры рот ничего не отвечают. Стоят и смотрят в окно» (В. Некрасов, В окопах Сталинграда) предложения не могут, без изменения структуры целого, быть объединены сочинительным союзом или соединительной паузой. Точно так же при наличии пояснительной связи между двумя предложениями — потным и относительно непотным — нельзя еще говорить о синтаксической зависимости, как это делает автор (стр. 45), анализируя пример «Вроцкий удовлетворит всем желаниям матери. Очень богат, умён, талант, на пути блестящей военно-придворной карьеры и обворожительный человек» (Л. Толстой, Анна Каренина). Ведь в данном случае только при образовании единого бессоюзного сложного предложения возможно установление причинно-следственной связи между предложениями.

По своему материалу и по его анализу большой интерес представляет в статье И. А. Поповой раздел об «эллиптических» предложениях (стр. 55—63), как называет автор предложения с отсутствующим глаголом сказуемого типа «Гатыня в лес, медведь за нью». В таких предложениях автор, следуя традиции (хотя и с оговоркой), усматривает эллипсис, обусловленный уже не контекстом, а задачами высказывания. По мнению И. А. Поповой, в таких «эллиптических» предложениях функцию сказуемого выполняют члены его группы — имена и наречия, так что «наречие или существительное является полноценным заместителем сказуемого» (стр. 56). С этим расширением состава сказуемого за счет зависимых от него второстепенных членов, конечно нельзя согласиться, так как это необходимо привело бы к смешению понятия грамматического сказуемого с понятием логического и психологического предиката. В дальнейшем «эллиптические предложения» рассматриваются автором в порядке убывания эллиптичности и классифицируются по характеру неназванного глагола движения или речи. Однако мнение о наличии здесь эллипсиса оказывается в подобных случаях не-

² См. А. И. Смирницкий, Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках, «Иностр. языки в школе», М., 1953, № 2, стр. 3—12.

³ Н. С. Пospelов, Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры, «Доклады и сообщения Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 2 М.—Л., 1948, стр. 68.

оправданным, потому что мы можем «восстановить» отсутствующий глагол только существенным изменением всей структуры предложения. Но примечательно, что во всех подобных предложениях при фактическом отсутствии глагола-сказуемого предложение всегда сохраняет определенное временное значение действия — конкретного настоящего, настоящего повествовательного (*praesens historicum*), прошедшего времени с аористическим значением отдельного факта прошлого, ближайшего будущего и т. п. Временное значение подобных предложений по своей конкретности резко отличается от временного значения связки. Конечно, предложения типа «Червяк — на яблоню и работать пустился» (Крылов, Матвей и Червяк), «Он — в сад и там смятенный бродит» (Пушкин, Попова), «Не отпирай дверь, я — через окно, — шопотом скажет Григорий» (Шолохов Тихий, Дон) и т. п. не являются ни контекстуальными, ни ситуативными, ни даже непостоянными, потому что по своему составу они оказываются вполне достаточными для выражения всех необходимых синтаксических соотношений между их членами.

Не менее интересен раздел статьи посвященный анализу «именных структур» среди членимых предложений. Однако и тут мы встречаемся с некоторым недоразумением. Как именные структуры автор рассматривает и предложения с отсутствующим глаголом бытия. А между тем предложения с отсутствующим глаголом бытия в его различных значениях (например *Отец в гордыне, На горах снег, У каждого свой ум и толь, Направо — горы и река* и т. п.) ничем существенным не отличаются от предложений с отсутствующими глаголами, названных автором эллиптическими. Не могут быть отнесены к именным структурам в строгом смысле этого слова и предложения с отсутствующими при формах сравнительной степени вспомогательными или связочными глаголами *стать, сделаться*, например «Кажется, дождик полегает» (Толстой, Война и мир) или «Спор громче, громче» (Пушкин, Евгений Онегин). Нельзя согласиться с И. А. Поповой, что в подобных примерах «категория времени выступает ослабленной» (стр. 75) значение времени выявляется здесь не менее отчетливо, чем и в случаях отсутствия глагола бытия. Предложения этой последней разновидности следовало бы рассматривать особо как предложения с непостоянными формами сказуемого, наряду с предложениями, в которых при наличии связочного глагола отсутствует инфинитив.

Предложения, названные И. А. Поповой эллиптическими, и так называемые именные структуры представляют, в сущности, один тип, который можно противопоставить ситуативным и контекстуальным предложениям как таковым, состав которых определяется не контекстом или обстановкой речи, а самой структурной предпосылкой, не требующей наличия в его составе глагольного (сказуемого) или других членов предложения.

В особую группу автор выделяет «именные повелительные и приветственные предложения», например *Огонь! К орудию! Лишь! Покойной ночи! Доброе утро!* По мнению И. А. Поповой, в подобных предложениях «именная или наречная часть их, произносимая с соответствующей интонацией повеления, просьбы, приветствия и т. п., достаточна для выражения воли или чувства говорящего, что и составляет функцию предикативных предложений» (стр. 79). К сожалению, автор не указывает, как выражается в подобных предложениях предикативность, как раскрывается в них их модальность и экспрессивный характер, не отмечено также, что подобные предложения часто представляют собой устойчивые фразеологические сочетания.

В особую группу И. А. Попова выделяет также «именные оценочные предложения» типа *Позор! Красота! Молодец!* отграничивая их от «именных (сказуемо-подлежащих) предложений» [по классификации Шахматова («Синтаксис», § 50)]. Автор обстоятельно описывает эти предложения по составу, по характеру выражаемой ими оценки, по их экспрессивным функциям. Структурное своеобразие данного типа предложений И. А. Попова видит в том, что «они представляют собою только предикативную часть высказывания, предикат субъект которого всегда вне их» (стр. 82). Здесь опять смещение грамматической предикативности с логического понятия предиката не позволяет автору показать, как в подобных предложениях выражается предикативность синтаксическая, т. е. категориями модальности и времени, вскрыть не только оценочную но и своеобразную указательную функцию этого типа предложений.

Именные приветственные, повелительные и оценочные предложения выделены по признаку свойственной им модальности, хотя по характеру употребления в речи они должны были бы рассматриваться как ситуативные.

В анализе предложений, специфических для диалогической речи, И. А. Попова исходит из разграничения двух форм диалога: 1) диалога, представляющего собою чередование реплик, не связанных между собою как вопрос и ответ, и 2) вопросо-ответной формы диалога. Остановившись на репликах диалога, не объединяемых в вопросо-ответную конструкцию (название «реплики-монологи» предлагается для них неудачным), И. А. Попова не обнаруживает в их составе каких-либо особенностей, отличающих их от тех типов «неполного» предложения, которые вообще характерны для разговорной речи и обуславливаются ситуацией и наличием контекста. Эта форма диалога обследована в статье И. А. Поповой очень кратко. Не указаны, на-

пример, типичные для разговорной речи предложения, состоящие из местоимений 1-го лица и союза *тоже*, заключающие в себе сообщение о присоединении говорящего к тому, что высказано в предшествующей реплике: «Я не согласен. — Я *тоже*».

Гораздо более обстоятельно освещается в рецензируемой статье вопрос-ответная форма диалога. Вопросительные предложения, характеризующиеся автором как разновидность «эллиптических» предложений с отсутствующей глагольной формой сказуемого, разделяются на две группы, в зависимости от того, имеют ли они в своем составе вопросительные местоимения и наречия, или не имеют их. К сожалению, анализ этих двух разновидностей вопросительных предложений сводится к интерпретации их как предложений полных, без попытки раскрыть глубокие различия между ними по характеру вопроса, типологическим и структурным особенностям. С достаточным основанием выделены И. А. Поповой одноклассные предложения — вопросы и ответы, выраженные отдельными членами предложения и представляющие собою законченные высказывания. Раскрыты и проиллюстрированы основные конструктивные особенности одноклассных предложений-ответов. Что же касается выделения в особую группу «эквивалентов предложений», то оно, по нашему мнению, лишено основания, так как слова-предложения, выраженные междометиями и частицами, а также переспросы и повторения, представляя собою отдельные высказывания, несомненно, являются предложениями, а притом полными.

Неполнота формально-грамматического состава сложного предложения совершенно правильно рассматривается в статье И. А. Поповой как характерная черта структуры сложного предложения.

В целом статья И. А. Поповой, построенная на богатом материале, часто очень тонко проанализированном, намечающая новые пути изучения этого материала и резко расходящаяся с традицией в освещении проблемы «неполных» предложений, заслуживает серьезного внимания. Основное положение автора — решительное отрицание наличия в языке неполных предложений в собственном смысле этого слова — обосновано анализом всего материала. Однако эта статья еще не решает общего вопроса о синтаксической природе предложений, для которых «неполнота» состава и отсутствие глагольного сказуемого составляют специфическую особенность их структуры.

Классификация этого типа предложений, намечаемая И. А. Поповой, не имеет единого логического основания. Анализ приведенного в статье материала приводит к мысли, что основными группами «неполносоставных» предложений следует считать контекстуальные, ситуативные и структурно не зависящие ни от контекста, ни от ситуации (в классификации И. А. Поповой последней группе соответствуют эллиптические предложения и именные структуры).

Ценная по собранному в ней материалам и тщательности их обработки статья А. Д. Григорьевой «К истории местоимений *сей* и *оний* в русском литературном языке начала XIX в. (*Сей* и *оний* у Пушкина)» (стр. 137—198) касается одного частного вопроса истории русского литературного языка — вопроса, который был предметом оживленной полемики в 20—30-х годах XIX в. Автор ставит себе задачу дать «анализ употребления указательных местоимений *сей* — *этот* — *оний* в произведениях Пушкина и отчасти его литературного окружения» (стр. 137). В начале статьи А. Д. Григорьева характеризует отношение к употреблению местоимений *сей* и *оний* Карамзина, Шлишкова, Сенковского, Шевырева, Белинского, Греча, Давыдова, Буслаева, Даля и других и приходит к выводу, что местоимения *сей* и *оний* признавались свойственными книжной речи: *сей* как синоним местоимения *этот*, а *оний* как заместитель местоимения *он* (по отношению к именам существительным неодушевленным) и как синоним местоимений *сей* (*этот*) и *тот* (стр. 153—154). Приведя известное высказывание Пушкина о местоимениях *сей* и *оний* («Современник», № 3, 1836), А. Д. Григорьева видит ошибку Пушкина в том, что он «ставил местоимения *сей*, *оний* как факт книжной речи в один ряд с причастиями, соединения, таким образом, явления непродуктивные и продуктивные» (стр. 147). Однако широкая практика употребления местоимений *сей* и *оний* у Пушкина показывает, что он вовсе не смотрел на эти местоимения как на непродуктивные явления в русском языке.

В основной части своей статьи А. Д. Григорьева подвергает тщательному анализу употребление местоимений *сей*, *этот* и *оний* в произведениях Пушкина и в его письмах. В статье устанавливаются три характерных случая употребления местоимения *сей* у Пушкина: 1) в значении указания на ближайший предмет или явление (по сравнению с более отдаленным); 2) в значении указания на данный, наличный или только что названный предмет или явление; 3) при выделении в предмете или явлении той или иной его стороны (в составе приюжения). Представленный материал убедительно показывает, что основным для Пушкина было употребление в книжной речи местоимения *сей* для указания на данный, наличный или только что названный предмет.

В употреблении местоимения *этот* А. Д. Григорьева устанавливает те же случаи, что и для местоимения *сей*. Таким образом, в пушкинском употреблении местоимения *сей* и *этот*, по мнению автора, «функционально тождественны», хотя в пределах каждой функции они имеют специфические особенности. Местоимение *сей* часто наблюдается

в устойчивых фразеологических сочетаниях; *этот* — при противопоставлении (*этот — тот*) и при непосредственном воспроизведении разговорной речи. Очень показательны наблюдения А. Д. Григорьевой, характеризующие употребление Пушкиным местоимений *сей* и *этот* в различных жанрах. Так, в стихотворной речи наблюдается явное преобладание местоимения *сей*. Автор даже говорит о безразличном употреблении у Пушкина того или иного местоимения. Однако приведенные в статье примеры не подтверждают этого (ср.: *Медор сей* и *это прозвище; череп сей и эту кость*). Да и сам автор приводит ряд примеров различной стилистической окраски этих местоимений у Пушкина. К сожалению, в статье не выделены случаи употребления местоимения *сей* в поэтической позиции. Показательно преимущественное употребление в авторской речи местоимения *сей* в «Полтаве» и преобладание местоимения *этот* в «Евгении Онегине», в драматических произведениях и в художественной прозе; только в произведениях исторического жанра явно господствует местоимение *этот*, как это было уже отмечено Г. Блоком.

Местоимение *оний*, по наблюдениям автора, выступает в произведениях исторического и публицистического жанра и в письмах («как яркая примета 1) канцелярско-делового и 2) более широко — книжно-публицистического стилей речи» (стр. 192).

В заключительной части своей статьи автор приходит к выводу, что местоимения *сей* и *оний* в противоположность их синониму *этот*, выступают как специфические факты книжной речи. В речи самого Пушкина они различаются по употребительности: «если местоимение *сей* представляет собой явление обычное во всех литературных жанрах..., то употребление местоимения *оний* ограничено произведениями научного, делового и публицистического жанров» (стр. 194). Сдержанное, стилистически мотивированное употребление *сей* и *оний* у Пушкина, как показывает автор, выступает особенно отчетливо на фоне более широкого, стилистически не ограничиваемого употребления этих книжных местоимений у современников Пушкина — Вяземского и Погодина. Такое сужение границ употребления местоимений *сей* и *оний* действительно «способствовало нейтрализации в книжной речи местоимения *этот*, уничтожению его специфически разговорной стилистической окраски» (стр. 198).

Две статьи второго тома «Трудов» касаются вопросов истории русского языка. В статье В. Н. Сидорова «Редуцированные гласные *э* и *ь* в древнерусском языке XI в.» (стр. 199—219) приводятся новые данные для доказательства существования в древнерусском языке XI в. редуцированных гласных *э* и *ь*. Присоединяясь к доводам Шахматова, автор особенно подчеркивает значение того факта, что в русских памятниках XI—XII вв. написания *-ъмъ* и *-ьмъ* в творительном падеже единственного числа существительных мужского рода, *тъ* в 3-м лице глаголов, написания *гъ, ѣр, гъ* между согласными в соответствии с болгарскими написаниями *рѣ, рѣ, ѣъ, ѣъ*, обозначающими слоговые плавные, не только являются орфографической нормой, но и отражают действительное произношение. Отдельный экскурс В. Н. Сидоров посвящает выяснению звукового содержания русских написаний типа **turt*. Автор с достаточным основанием постулирует наличие в древнерусском языке редуцированных гласных фонем *э* и *ь* в сочетаниях типа **turt*, высказывая предположение, что устранение закрытого слога в сочетаниях данного типа «происходило... путем изменения неслоговых плавных в слоговые (**turt > *turt*) с переходом данных односложных сочетаний в двусложные (например: **turt/no > *zbr/no*)» (стр. 208). При этом, так как, по мнению автора, слоговые плавные не были самостоятельными фонемами и их слоговое произношение определялось их позицией в исходе слога, редуцированные *э* и *ь* не менялись перед слогами плавными так же, как сильные *э* и *ь* (т. е. в *о* и *е*). В тех же случаях, когда за сочетанием типа **turt* следовал слог с исчезавшим «слабым» *э* и *ь*, слоговые плавные, оказываясь долгими, при «падении глухих» утрачивали не только слоговость, но и долготу, и в таких случаях развивалось так называемое второе полногласие. Непоследовательность проведения второго полногласия в современных горах автор объясняет тем, что тенденция к обобщению действовала не *post factum*, а в самом процессе образования сочетаний со вторым полногласием, препятствуя их возникновению. Свое мнение о судьбе сочетаний типа **turt*, автор подкрепляет следующим соображением: «сочетания типа **turt* и **ort*, столь близкие по своему звуковому строению, что уже ранее могли переживать общие изменения, когда подчинились тенденции к открытости слога, стали изменяться одинаковым образом» (стр. 211).

Основное положение статьи В. Н. Сидорова: «замена болгарских написаний русским — наиболее убедительное свидетельство существования редуцированных гласных в древнерусской фонетической системе XI в.» (стр. 212) — не вызывает возражений. И совершенно естественно, что основные признаки древнерусского извода старославянского языка связаны с написаниями, отражающими русское употребление редуцированных гласных, передающими живые «диалектные явления, свойственные восточнославянским говорам» (стр. 214). Этим объясняется и отсутствие строгой последовательности в проведении написаний *гъ, ѣр, гъ* по памятникам XI в., что наглядно демонстрируется в статье соответствующей таблицей (стр. 218). Автор правильно указывает и на то, что в написаниях этого типа, передававших, в большинстве случаев, корневые

морфм (влияние болгарских элементов на древнерусский извод старославянского языка) должно быть значительнее, чем на грамматические части слова (стр. 219). При этом по мнению автора необходимо учитывать, что среди слов с сочтениями типа **l'ni* в олове были такие, которые если не по корню, то по своему образованию или иным образом были для древнерусских писцов слов ми и нижнего языка чуждыми и реин (стр. 219). Однако этим соображением еще нельзя оспаривать того резкого различия в употреблении написания *ръ*, которое наблюдается в практике писцов. Например, можно привести и второй пример Остромирова евангелия.

Статья В. Н. Сидорова «освещающая одно из наиболее значительных явлений русской истории — фонетику» содержит новые данные для установления исторических границ процесса падения гласных в древнерусском языке. Однако следует отметить, что на расхождении автора лежит печать и в некоторой схематичности стремления к быстрой выработать древнерусскую фонетическую систему, придать ей больше стройности. Название статьи явно шире ее содержания: одержания в основном здесь дается фонетическое истолкование сочетания гласных с гласными типа **ьgrl* «жававших» в основе так называемого второго подгласия.

В своей статье В. Н. Сидорова о генезисе видов временных отношений древнерусского языка (стр. 220—226) П. С. Кузнецов исходит из следующего разграничения грамматических категорий времени и вида: время и вид — это грамматические категории, выражающие отношение действия к моменту речи; вид есть грамматическая категория, выражающая характер самого действия с точки зрения продолжения его во времени (стр. 222). Поэтому по мнению П. С. Кузнецова «категория вида как категория грамматическая выступит лишь в тех языках, где она связана определенными отношениями с категориями времени, так это имеет место, например, в современном русском языке» (стр. 23). Таким образом, в статье П. С. Кузнецова вид выступает в общем русско-славянском отношении с тем отличием от категории времени, что вид выражает отношения действия к моменту речи, а время — к моменту действия. Обобщенное взаимоотношение между категориями вида и времени, изученное Фортунатовой, оказывается здесь истолковано иным и духе. Прасерти тоже и черпавшего временного характера категории вида⁴. Хотя П. С. Кузнецов и оговаривается, что в целом концепция Прасерти и приемлема. При генетическом рассмотрении развития категории времени и вида в древнерусском и других славянских языках автор следует установившейся традиции, утверждая, что времена и категории, заставив в древних письменных индоевропейских языках, то есть в на олове иных категорий, имевших не временное значение» (стр. 227). Эти категории были по мнению автора категориями видообразными, хотя они и в своем образе отличались от современных славянских категорий совершенного и несовершенного вида. Реликты этой древнейшей видовой системы П. С. Кузнецов видит в различии систем презенса хориста и перфекта в древнерусском языке и в сам критерий различия от одного корня с несомнительными различиями лексемы и различиями в том образе, структурно, средними с оловом, образования. При этом перфект с хористом для него учтеном критерием различия презенса и хориста как категории, обозначающей состояние, которое является результатом законченного действия. В статье охватывается охватываются все известные индоевропейским языкам основные структурные средства оформления временных различий чередования корневой и гласной и поизменности глагольных классов. Отмечаясь на так называемой неувоеванной форме перфекта П. С. Кузнецов отмечает, что значение этой формы (с лав *видѣ* др инд *veda* греч *οδχ* гот *uait*) «отпадает от общего значения перфекта — на первый план вступают не результаты действия, а состояние, относящееся к моменту времени» (стр. 231). Но не свидетельствует ли это о том, что данные формы являются вовсе не формами перфекта, а способными формами настоящего времени, обоначившими настоящее не с точки зрения состояния (ср. русское *я знаю* в так называемом перфектном значении)? Здесь привлекает внимание предположение автора, что показатели глагольных классов предтавляют собой род, то есть более древнее, чем чередования в глагольной системе, потому что они были некогда являлись сфизическими, а затем из которых объединялись в классы (стр. 236).

Собственно временные значения по мнению П. С. Кузнецова оформляются прежде всего в различии личных окончаний, так как именно оформление так называемых первичных и вторичных окончаний является основой разграничения настоящего и прошедшего времени (стр. 239), причем первичными окончаниями характеризуются только настоящее и будущее время» (стр. 239—240). Однако сам автор не только не отмечает, что в славянской глагольной системе типичные окончания утра-

⁴ Ведь и по Прасерти различие между временем (*temps subjectif*) и видом (*temps objectif*) состоит в том, что в первом случае точка отсчета лежит в самом говорящем и принадлежит отношению к моменту речи, а во втором она лежит в самом действии (см. R. de la Grasserie, *Etudes de grammaire comparée. De la catégorie du temps*, Paris 1888 стр. 3).

чивают свою роль по-разному в зависимости от времени. Аорист и имперфект связаны с основой инфинитива, часто отличающегося от основы настоящего времени и являющегося по существу основой прошедшего времени (стр. 2).

Далее автор останавливается на роли приставок для выражения нового видового различия между несовершенным и совершенным видом на постепенном развитии грамматического значения приставок в русском и славянских языках. По мнению П. С. Кузнецова глагольные приставки являются основным средством для выражения новых видовых отношений, но и они изменяют эти новые видовые отношения в статье, не говорится. Автор проходит мимо идущего от Потбиния предположения, что в основе новых видовых различий в славянских языках лежит внутреннее развитие действия от конкретного и более ответственного собирательному его выражению⁵. А именно эта догма Потбиния дала основание Ван Вейку и современным ответам исследователям увидеть основу для различия несовершенного и совершенного вида в различии между глагольными основами определенными и неопределенными⁶.

Общая последовательность развития видовых временных отношений от эпохи средневековья до современного языка основана исторически на противопоставлении видовых категорий, рисуемых автором в следующем виде: первоначально древние видовые категории образуют различные тематические группы одного корня и характеризуются различными значениями отклонения от действия во времени; затем — многочисленные времена уже в одной форме одного глагола постепенно формируются на базе древних видов. Наконец уже при наличии грамматических категорий времени развивается новая система видов, основанная на противопоставлении совершенного и несовершенного видов, перекрывающаяся с различными временами (стр. 250—251). Такой переход от древних видовых категорий к многочисленным временам образует, по мнению П. С. Кузнецова, единую линию развития видовых временных отношений в грамматическом строе языка.

Без всяких оговорок автор пишет о разрушении системы многочисленных времен в современном русском языке (стр. 252), проходя мимо глубоких различий по выражению временных значений в формах прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, насильственно объединяя в рамках единого будущего времени значительную форму будущего несовершенного и синтетическую форму настоящего будущего совершенного вида. Исторически следуя за традицией, автор представляет смену старой временной системы новой видовой системой с таким прямым отношением. При этом не учитывается различия между функционированием во своих истоках старых видовых временных значений аориста и имперфекта, перфекта и послеперфекта во временных формах современного русского языка, не учитывается и глубокое структурное различие между грамматическими категориями вида и времени, то что вид в отличие от времени имеет свойство глагола как такового, но не качество той или другой его формы⁸.

Несмотря на наличие ряда спорных положений, статья П. С. Кузнецова поднимает важный вопрос исторического развития грамматики русского языка, хорошо ориентирует читателя в сложной проблеме генезиса видовых временных отношений древнерусского языка, хотя и не содержит ничего принципиально нового в самой постановке этой проблемы.

В целом во втором томе Трудов Института языкознания освещены значительные проблемы из области синтаксиса современного русского языка, историческая фонетика и история грамматического строя русского языка, а статья, относящаяся к частному вопросу — употреблению Пушкиным указательных местоимений синонимов, касается большой проблемы исторического взаимодействия литературного и разговорного в истории русского литературного языка.

В связи с этим, вышедшая десятилетием ранее смерть выдающегося советского лингвиста В. А. Богородицкого в состав данного тома Трудов включены полные библиография его работ, составленная А. Н. Мироносицкой, и торжественная публикация характеристика его научной деятельности написанная П. С. Кузнецовым.

Н. С. Поспелов

⁵ А. А. Потебня Из записок по русской грамматике IV М — Т Изд во АН СССР 1941 стр. 47—77—78.

⁶ См. N. Van Wijk Sur l'origine des aspects du verbe slave. Revue des études slaves, Paris 1929 fasc. 3 — стр. 246. Ср. В. В. Бородин К вопросу о значении аориста и имперфекта в старославянском языке (Славянская филология) М Изд во Моск. ун-та 1951 стр. 34—35.

⁷ Ср. Грамматика русского языка т. I М Изд во АН СССР 1953 стр. 484—492 (§§ 754—760).

⁸ См. А. А. Потебня указ. соч. стр. 108.